

Форсайт: интеллектуальная новация или ремейк*?

Ю.П. Воронов написал очередную книгу на актуальную тему**. Это не монография, книга относится скорее к жанру эссе, что не умаляет ее познавательной ценности, впрочем, как все то, что выходит из под пера уважаемого автора. Здесь, на мой взгляд, он, как при квалифицированном иглоукальвании, попал в нужную точку: сюжеты книги по пересекающимся сетям ведут к жизненно важным проблемам российской экономики. И хотя косвенно выходят на традиционный вопрос «кто виноват?», все же в главном содержат попытку ответить на вопрос «что делать?»

Действительно, падкие на западные «новоделы» отечественные СМИ и чиновники всех рангов время от времени начинают употреблять некоторые иностранные слова и применять методики, не понимая их истинного смысла, но чтоб было красиво-иностранно (в первом случае) и свидетельствовало о компетентности-инновационности (во втором). Совсем недавно это была разработанная Гарвардской школой бизнеса методика SWOT, любезная, к примеру, нашим региональным вождям и их мозговым центрам, прежде всего, ориентацией на анализ угроз внешней среды. В расчете на федеральные трансферты внешние угрозы со стороны разнообразных внешних врагов расписывались во всех подробностях, исключая основную – гипертрофированный централизм Москвы как ответ на партикуляризм мест. То есть главное, конечно, обсуждалось, но келейно, а конкурентоспособность с внешней средой – центральная методическая посылка методики SWOT – трактовалась как умение «прогнуться» перед московской бюрократией.

Или модное ныне понятие «кластер». Современная наука имеет разные точки зрения на то, что такое кластер как новый тип экономических систем в эпоху глобализации. Минэкономразвития РФ еще в 2005 г. заказало Академии народного хозяйства РФ (совместно с Гарвардской школой бизнеса) проект разработки кластерной политики для России. Судя по публикациям

* Ремейк, или римейк от англ. remake, букв. «переделка».

** *Воронов Ю.П.* Форсайт как инструмент / Под ред. В. И. Суслова. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2010. – 212 с.

© ЭКО 2010 г.

в открытой печати, дело кончилось скандалом: Минэкономразвития хотело получить методику разработки «дирижистских» кластеров, а получила компиляцию работ М. Портера по формированию кластеров «либерально-рыночных». Летом 2006 г. Портер лично привез в Москву отчет по теме и доложил его заказчиком. В ответ было сказано примерно следующее: все это не то, где ваши расчеты, мы вам не студенты, чтобы нас учить, и т.п. На что М. Портер ответил: *«Российская экономика создана для конкуренции в другом мире. Ключевые корпорации должны быть перестроены, чтобы стать конкурентоспособными, и не строиться на концепции национальной безопасности. Концепция национальных лидеров умерла вместе с General Motors – в нее никто не верит. Сердце экономики – небольшие мобильные компании»*.

Далее господин Портер отметил, что построение «Газпрома» на основе концепции нацбезопасности – это просто «потеря возможностей», получил свои 3 млн дол. и отбыл восвояси. После чего в прессе пошли публикации, что-де, главный кластер страны – Московский, на что регионы, понимая, что дело клонится к «распилу» больших денег, предложили принять законопроект «О принципах создания и развития экономических кластеров в Российской Федерации». Ждем.

Но вернемся к тексту рецензируемой книги. Первая ее глава, как и положено в произведении, издаваемом под шапкой РАН, посвящена выяснению, какова область приложения форсайта, в чем его отличие от прогноза и плана, а также каковы выгоды от синтеза того и другого в рамках нового понятия. Сначала идет перечисление определений форсайта, но, к счастью, соответствующий параграф написан не так, как в некоторых квазинаучных «нетленках»: Эйнштейн указал, Петров согласился, а Сидоров по этому поводу заметил.

Автором вскрыта ключевая особенность, она же трудность форсайта, если определять его как «систему методов». Дело в том, что синтез проектного и фундаментального знания в принципе труден, и всегда есть опасность скатиться в фольклор, а далее – к лысенковщине или в формализм и отрыв от практики. Академии наук СССР не всегда удавалось преодолеть эти трудности, и Ю.П. Воронов на это обращает внимание.

Однако дело не только и не столько в том, что наука была структурирована дисциплинарно и управлялась иерархически. Партийно-государственная бюрократия систематически расстреляла

науку двумя основными способами: в Академию и в академики, особенно Отделения общественных наук, регулярно разными способами протаскивались люди от номенклатуры, невежественные и сервильные. Удавались такие проникновения и в науках естественных. Другой прием – формирование внутри науки корпуса администраторов с учеными степенями и званиями, что постепенно привело к замене иерархии компетенций, что науке не противопоказано, иерархией бюрократов.

И тем не менее, опираясь на достижения советской науки, удалось реализовать атомный, космический и нефтегазовый проекты. Хотя никакого форсайта еще не существовало, но «система методов» работала, и результаты (в том числе теоретические) были такие, что за 20 лет постсоветского периода «проесть» их в полном объеме пока не получается. Иное дело, какая цена была уплачена Россией за использование в «системе методов» механизмов террора, концлагерей, судебных и внесудебных расправ, сталинских шарашек, ГУЛАГа и т.д. и т.п. Цель была одна – удержаться у власти любой ценой, а истинная «цена вопроса» объективировалась только сегодня: депопуляция населения, дебилизация элиты, чудовищный бюрократизм и деградация науки.

Вопрос: будь известен царскому правительству и экспертному сообществу России тех лет форсайт в той его редакции и при таких ограничениях, в которых он рассматривается в первой главе рецензируемой книги, помог бы этот инструмент остановить «красное колесо»? Или предотвратить те ошибки, которые под знаменем марксизма-ленинизма большевики совершали в России более 70 лет? Ответ: нет, не помог бы. Потому как форсайт от поискового прогноза унаследовал запрет на радикальные изменения существующей системы власти (на что не решился царь, надеясь «умирить» Россию), а от целевого прогноза – субъективизм в формулировках целей и отсутствие гарантий того, что эти цели не будут достигаться любой ценой (что и практиковали большевики).

В остальных параграфах первой главы обсуждаются особенности форсайта как некоего инструмента-интегратора прогноза и плана. Суждения и рассуждения автора интересны, но им не хватает исторической глубины и понимания роли институциональной среды в процессах извлечения выгод от форсайта. А именно: проблема сочетания различных методов планового управления народным хозяйством была поставлена еще советскими плановиками в 20-е годы прошлого века, когда формировался

первый пятилетний план. Тогда была сформулирована и долго обсуждалась проблема эффективности генетического (поискового) и телеологического (целевого) подходов к прогнозированию и планированию.

Понятия «презентизм», используемого в книге и означающего стремление власть предержащих сохранить статус-кво, в те времена не знали, но партийная элита отчетливо понимала, что сохранение послереволюционной слаборазвитости советской России стратегически опасно, и это понимание сформулировал Сталин, сказав, что у страны есть 10 лет, чтобы (если перевести его высказывание на современный форсайт-слэнг) прорваться в будущее. Иначе нас сомнут.

И прорвались, но с помощью каких институтов и какой ценой – см. выше. Можно считать это снятием ограничений с тогдашней ипостаси форсайта в его прогнозной части и силовой объективизацией целей в части планово-предписывающей. Как известно, дело кончилось геополитической катастрофой СССР.

Вывод: форсайт при всех его особенностях и областях приложения, а также «протофорсайт» советского периода не есть универсальное средство управления неопределенным будущим. Это всего лишь один из подходов к принятию ситуативно разумных решений с учетом факторов риска и неопределенности. Подход этот ныне, т.е. в эпоху постмодерна, называют «неосистемным», и это название говорит само за себя, отвечая на вопрос, поставленный в заголовке настоящей рецензии.

Вторая глава книги посвящена обсуждению понятийного аппарата форсайта и, как заверяет автор, методологическим сложностям, связанным с его применением. А эти сложности, на наш взгляд, просты и выявлены нобелевским лауреатом Г. Саймоном еще в 70-х годах прошлого века. Вызываются они ограниченной способностью индивидов принимать сложные оптимальные решения, что в большинстве случаев приводит к принятию решений удовлетворительных, но нередко – иррациональных. Понять сложность реального мира, где «регулярность северного сияния зависит от пищеварения стрекозы», человек с «ограничением по рациональности» в полном объеме пока не может, хотя в лице своих лучших представителей пытается это сделать, грызя «гранит науки».

Отсюда и якобы терминологические сложности с определением объекта и предмета исследования форсайта, рассматриваемые в первом параграфе второй главы. «Зауженно» локализовал

проблему – замучаешься с попытками учесть многообразие и разнонаправленность внешних факторов. Чрезмерно расширительно трактуешь проблему – утонешь в болоте подробностей и неопределенностей. Например, как поставить правильно проблему обеспечения целостности России при многомерности деления ее обширной территории на административные единицы и низкой плотности транспортной сети?

Короче, как ни тасуй объект и предмет исследования форсайта, какие экзотические названия форсайту ни приводи (например, трансграничный), что и делается в рецензируемой книге, преодолеть названные сложности невозможно. Это не удалось кибернетике и системному анализу – предшественникам форсайта, номинированным ранее в качестве универсальных инструментов решения сложных проблем. Не удастся это и форсайту, если действительно, как утверждает автор: «Форсайт, ориентированный на познание, представляет собой нонсенс, поскольку главная идея форсайта – его практическая ориентация» (с. 31). Такой чрезмерный акцент на практической ориентации обедняет форсайт, нередко превращает его в ширму для управления будущим методом проб и ошибок. К чему это привело в России – опять-таки см. выше.

Кстати, в следующем параграфе той же главы со ссылкой на методику ЮНИДО, рекомендующую концентрировать форсайт на прорывных технологиях, утверждается нечто противоположное: «Для России при непрозрачности решений федеральной власти и сложных процедурах согласования такая рекомендация (ЮНИДО. – Е.К.) может оказаться невыполнимой, по крайней мере, в современных условиях при отсутствии привычки к форсайт-исследованиям». Но, если форсайт, ориентированный на познание, – нонсенс, откуда возьмется привычка к исследованиям как к инструменту познания? Да еще в ситуации не только непрозрачности решений федеральной власти, что мягко сказано. Нельзя здесь абстрагироваться и от иных качеств властной вертикали, сверху донизу коррумпированной. Полагаю, что автор понимает, форсайт какого рода здесь необходим, но из-за академической политкорректности стесняется сказать об этом прямо.

Точка зрения рецензента состоит в том, что фундаментальная наука и инновационная практика – **взаимодополняющие** виды деятельности со своими закономерностями и институтами развития. Попытка представить их как **конкурирующие** – неправильная и ведет в тупик. Нельзя, как в России, 15 лет держать

науку на голодном пайке, а ресурсную ренту качать в офшоры под флагом создания класса эффективных собственников, из рядов которых якобы и появятся инноваторы. Реализация сих бредовых идей «младореформаторами» привела к обескровливанию российской науки и концентрации выращенных у нас «бриллиантовых» мозгов в зарубежных научных центрах, что немедленно привело к прорывам в фундаментальной науке и отмечено нобелевскими премиями. Практические новшества прорывного характера немедленно последуют.

Что касается отечественных инноваторов, они же олигархи, то здесь дело дальше серых финансовых схем, оптимизации налогов и приобретения зарубежных спортивных клубов пока не идет. Поможет ли форсайт решить возникающие здесь проблемы и не завершится ли все, например, ликвидацией Российской академии наук и покупкой олигархами в складчину западных мозгов (наполовину бывших российских) и концентрацией их в Сколково?

Прежде чем ответить на данный вопрос, «дочитаем» всю книгу до конца, используя технику «быстрочтения», так как в противном случае рецензия стала бы неприлично длинной. Тем более что концептуальные вопросы форсайта уже затронуты.

Итак, тексты от середины второй главы до конца книги, на наш взгляд, представляют собой учебный материал, блестяще изложенный и иллюстрированный примерами из собственных работ автора, Это, конечно, не монографический канон, но написано так, что не оторвешься. Правда, не все изложено равноценно информативно. Скажем, классическая методика «Дельфи» описана лапидарно, и читателю не очень понятна ее главная особенность – согласование экспертных суждений с помощью принуждающей обратной связи. Это, конечно, лучше, чем диктатор в парадоксе Эрроу, но все же пояснения не помешали бы. Зато метод аналитической иерархии Т. Саати описан так, что понятны на генетическом уровне все его достоинства и недостатки. Во всяком случае, мне, разбирающему этот метод в студенческой аудитории, данный сюжет книги оказался очень кстати.

Есть в книге и забавные моменты, вроде описания «Электронного оракула» Б. де Мескиты, опираясь, якобы, на рекомендации которого, американский президент Обама сделал ряд удачных прогнозов. Как пишет автор, «точно неизвестно, какой алгоритм используется в данной методике для ранжирования участников процесса». Поэтому есть подозрение, что у американского

президента хорошо работают спецслужбы, откуда и формируется состав участников процесса выработки рекомендаций, а «Электронный оракул» – их официальная пиар-кличка.

Подозрение усиливается из-за того, что не менее точные предсказания результатов матчей чемпионата мира по футболу-2010 делал германский осьминог Пауль, и общественная мысль Запада до сих пор бьется в попытках разгадать алгоритм предсказания. Были попытки просто купить осьминога, но цена оказалась непомерной, так как расчетливые немцы включили в нее стоимость всех обслуживающих структур.

В целом же последние три главы книги содержат описания известных аналитических инструментов форсайта и его предшественников. Есть в литературе и лучшие описания, но ценность авторского состоит в том, что, во-первых, он работает с этими инструментами практически и лично, во-вторых, часть из них изобрел сам.

Как ни приятно пересказывать интересную книгу и делать умные замечания по поводу ее отдельных недостатков, жанр рецензии требует ответить на вопрос, поставленный в ее названии: «Форсайт: интеллектуальная новация или ремейк?». Ответ: и то, и другое. Все дело в пропорциях, устанавливаемых институциональной средой, в которой форсайт работает, и теми людьми, в чьих руках он используется в качестве инструмента поддержки принятия сложных решений.

Предшественники форсайта, его прямые предки – кибернетика и системный анализ, как прикладные ветви системного подхода были созданы и предназначались для принятия рациональных решений в эпоху индустриальных иерархий и несовершенных конкурентных рыночных сетей. Кибернетика концентрировала свои усилия на разработке принципов корректирующих информационных обратных связей в системах управления, так как в иерархиях главенствует принцип прямых командных связей, что снижает эффективность фирм и корпораций. Системный анализ углублял кибернетический подход в отношении обратных связей от внешней среды. Он концентрировался на (целевой) структуризации системы целей фирм, корпораций и государства, различая и упорядочивая по важности не только цели экономические, но и социальные, политические и др., неизмеримые

в денежной шкале. На основе идей системного анализа появились программно-целевой подход и метод «стоимость – эффективность».

Постиндустриальная эпоха не отменяет продвижений в области принятия сложных решений, реализованных предшественниками форсайта, но требует их модернизации и модификации. Так, на смену так называемой кибернетике-1 приходит кибернетика-2 с ее теорией «мягких систем» и резонансного управления. Системный анализ все больше опирается на экспертные технологии, т.е. на знания экспертов в качестве информационной базы для принятия решений. В рамках метода «стоимость – эффективность» выявлена важнейшая, не учитываемая прежде компонента издержек, – затраты транзакционные. При оценке инвестиционных проектов в современном формате программно-целевого подхода все большее применение находит метод «реальных опционов».

Сама экономика становится новой в том смысле, что к традиционным сетям взаимодействия рыночных агентов добавляется Интернет, что, как выяснилось, повышает конкурентность экономики, однако снижает ее устойчивость, одновременно увеличивая потенциал развития.

Как следует из содержания книги, форсайт в составе своих инструментов и методов пытается вписаться в постиндустриальную эпоху. Но не все акценты автором расставлены четко. Так, за множественностью терминов и некоторой сумбурностью изложения не просматривается миссия форсайта – усовершенствование процедуры принятия сложных решений в эпоху глобализации. Отсюда другой, не менее существенный дефект: по Воронову, форсайт – прежде всего, инструмент, т.е. отвечает на вопрос «как?». По нашему мнению, главное в форсайте ответ на вопрос «что?». Именно аксиологический аспект метода есть мост для его связи с фундаментальной наукой. Если этот мост не поддерживать постоянно в рабочем состоянии, наши «форсайтчики» скоро просто перестанут понимать, что происходит в мировой науке, и будут предлагать, как правильно делать то, что в принципе делать не нужно.

*Е.Б. КИБАЛОВ, доктор экономических наук, Институт экономики
и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск
E-mail: lf@online.nsk.su*